

**ЛУЧШАЯ
КРИМИНАЛЬНАЯ
ДРАМА**

**ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ**

**МЕЖДУ ПУЛЕЙ
И ЛЮБОВЬЮ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Кольчев, Владимир Григорьевич.

К60 Между пулей и любовью / Владимир Кольчев. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Кольчев. Лучшая криминальная драма).

ISBN 978-5-04-231743-9

Начало девяностых. Вернувшись из армии, Рэм Каменев решает открыть свой бизнес. Вместе с друзьями он планирует взять под контроль местный рынок. Но там уже есть хозяин — банкир Викентий Верлинский. Так просто он свое не отдаст. Между конкурентами завязывается жестокий поединок. Он уже готов решиться в пользу сильнеешего, но тут неожиданно в дело вмешивается возлюбленная Верлинского — Ульяна. Рэм становится заложником чувств к этой привлекательной девушке и ослабляет хватку. С этого момента война принимает для обеих сторон непредсказуемый характер...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кольчев В.Г., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-231743-9

Часть первая

Глава 1

Два года тянулись как вечность, и вдруг жизнь закрутилась с сумасшедшей скоростью. Старшина отвозит на вокзал, сутки в поезде, московские высотки в окне вагона, родной двор, где все до боли знакомо, запертая дверь квартиры. Соседка подсказала, куда идти, а Рэм уже знал, что его родные занялись челночным бизнесом, за границу мотаются, шмотки в Москву возят. Рынок на пустыре открылся, туда Рэм и отправился. Пустырь большой, а рынок маленький, асфальт на земле, палатки однотонные стоят стройными рядами, все как в армии. С обустройством чувствовался порядок, а вот отношение к людям — чистый беспредел. Рэм рот открыл, увидев, как бритый под ноль детина

с заостренным как у Мефистофеля подбородком сграбастал его родную Дашу за косу, чтобы намотать волосы на кулак. Второй собирался схватить ее за лицо, но Рэм успел перехватить его за руку. Возможно, это последнее, что Рэм успеет сделать в своей жизни. Он один, а бандитов трое, еще двое чуть в сторонке кому-то что-то объясняют, пальцы веером. Морды незнакомые, все бойцовской породы, крепкие на вид, тренированные. С двумя Рэм еще справится, а со всеми точно нет. Но никто не смеет безнаказанно глумиться над его родными. Сестру на глазах у толпы унизили, мать всю трясет, за сердце, бедная, хватается, как бы приступ не случился.

— Я не понял!

Детина действительно ничего не понял, ему бы руку сначала вырвать из ладони Рэма, а потом уже к нему разворачиваться, выяснять, в чем дело. А он сразу лицом к противнику, думал, рука сама выскользнет из захвата. Как бы не так! Рэм хоть и в обычной пехоте служил, но в разведроте, да и раньше борьбой занимался.

Рычаг руки наружу заставил детину выгнуться назад. Ударить бы по ногам, провести подсечку, но времени нет, пора переключаться на следующего.

Рэм понимал, что не потянет против такой оравы, но выяснять он ничего не собирался.

Да и поздно уже, драка началась. И бить нужно первым, даже если шансов победить нет.

«Афганка» на нем, куртка заправлена в брюки, ремень быстро не снять, но сапоги на ногах тяжелые, кондовые, каблук подкованный. Каблуком он и въехал в пах мордастому жлобу с тупым взглядом осла. Жаль, не в промежность снизу, а просто в низ живота со смещением к бедру, впрочем, и этого хватило, чтобы чувак сложился вдвое. Добить бы, но сзади уже несется «бронепоезд», еще один бугай, этот уже размахнулся для удара. Рэм успел только чуть сдать в сторону, направленный в затылок кулак скользнул по уху, но все равно больно. От второго удара уклониться не удалось, тяжелый кулак будто кувалда опустил на темечко. В глазах потемнело, в голове зашумело, но Рэм сумел все-таки развернуться к противнику лицом. В свое время он собаку съел на уличных драках, такую ватагу в бой водил, причем бились на том самом пустыре, окраину которого захватил рынок. И сейчас он знал, что делать. Размахнуться не успевал, поэтому бросился в ноги, сгреб в охапку, оторвал противника от земли, а сила в руках медвежья, и на ногах он стоял крепко. Толчок, рывок, и вот уже бугай летит на землю затылком вниз. Но в себя пришел стриженный, Рэм ударил его ногой в живот из положения сзади, мощно вlepил, но и сам пропустил

удар, едва удержался на ногах. И мордастый уже на ногах, и бугай, а еще двое из ларца подскочили.

Даша с визгом прыгнула на стриженного, тот скинул ее с себя, она рухнула на столик с товаром, подмяная его под себя, вместе с ним свалилась на землю. А Рэм все держался, отбивался, сам оказался в каком-то ларьке, перевернул стол-прилавок. Крики, мат, но доносились они до него как будто с далекой планеты, в ушах звонкий шум, снова кулак прилетел, в черепной коробке загудело.

Палатка держалась — не падала, не сминалась. И не позволяла атаковать Рэма с флангов и тыла. Но шансов победить у него все равно никаких. И руками его били, и ногами, он уже только отбивался.

— А разойдись! — заорал вдруг мордастый.

Его дружки расступились, и он понесся на Рэма с пожарным багром наперевес. Он собирался ударить им как копьем, удар мог оказаться смертельным. Но лучше багор, чем волына.

Рэм едва держался на ногах, перед глазами пульсирующая муть, но уйти от удара он успел. Перехватил багор, дернул на себя, но вырвать не сумел. Мало того, за багор с другой стороны схватились двое, втроем они смогли выдернуть Рэма из палатки, он оказался в проходе, и удары обрушились на него со всех сторон в то время, как он про-

должал удерживать багор. Еще немного — и все, если упадет, подняться ему не дадут.

— Наших бьют! — донесся вдруг откуда-то крик.

Рэм и не понял, кто на скорости звука влетел в толпу, размахивая руками, но мордастый упал, пропустив удар локтем в затылок. Удар у Беляша убойный, а это он пришел на помощь.

Толпа переключилась на Егора, но у Рэма открылось второе дыхание. Тем более что багор так и остался у него в руках.

— Убью! — как бешеный заорал он, ударом назад ткнув кого-то древком в живот.

А острием он мог ударить стриженного под ноль, тот это понял, резко подался назад, толкнув кого-то из своих. Убивать его Рэм не стал, размахнулся, чтобы ударить голым концом древка. Но бандит продолжал пятиться, увлекая за собой других. И правильно сделал, к Беляшу подскочил Мишка Веселов с монтировкой в руке. А Весельчак пацан здоровый, жирком, правда, подернулся. На вольных хлебах. Забыл про качалку, придется напомнить. Но это будет потом.

Стриженный отошел на безопасное расстояние, глянул на своих, вроде все на месте, мордой об асфальт никто не трется. Но и Рэм уже не один, Беляш с ним и Весельчак, это его пацаны. А тут

еще два каких-то мужика, совсем уже взрослые, рядом с ними встали, рукава закатывают. Одного Рэм узнал, из соседнего дома, по делам с ним не пересекался, так, видел пару раз. Другого он видел впервые, но и этот уже свой, потому что вызвался вступить за Рэма. Невысокий, щуплый, но в прыжину сжался так, что на два метра подскочит, если тронуть. Злость в глазах осознанная, видно, счеты у мужика к братве.

— Борзые, да? — ударив себя в грудь, махнул рукой стриженный. — Ну ничего!

Испугался, но хорохорится, пузыри пускает. Сейчас за подмогой сходит и вернется, вот тогда станет ясно, кто здесь король. Чувак даже не сомневался, что Рэм позволит ему уйти. Но не тут-то было.

— Что ничего?

Рэм рванул к нему, даже не глянул, пошли за ним пацаны или нет. Не могли не пойти. Багор он отбросил на ходу, стриженному в нос вlepил кулаком, да со всей дури. Бугай дернулся, но Рэм снова сгреб его в охапку, оторвал от земли, перевернул в воздухе, на этот раз приложил его головой к земле с разгона. А Беляш, Весельчак и группа поддержки уже рядом, снова застучали кулаки по мордам, затрещали кости. Но рэкетиров хватило ненадолго, рванули к воротам так, что пятки затрещали.

— Обрато с волынами подьедут!

Беляш улыбался во весь фейс, восторг победы подавлял в нем тревогу за будущее.

Рэм повернулся к нему, взглядом объяснил, на каком приборе он крутил эти волыны, широко улыбнулся.

— Ну, здорово, братан!

С Беляшом и Весельчаком он обнялся, а с шуплым обменялся рукопожатием. Видел, как махался Костя, видно, что карате в свое время занимался. Второй, повыше и помощней, тоже успел кого-то пнуть, Рэм познакомился и с ним.

— А ты торгуешь здесь, Леша? — спросил он.

— Ты мне палатку снес! — улыбнулся мужик.

— Не моя вина.

— Я и сам за Дашу заступиться хотел, да не успел.

Даша уже совсем рядом, объятия пора раскрывать, но Рэм смотрел Леше в глаза. А ведь не врет. Или не совсем врет. Даша для него не пустой звук, но одно дело хотеть, и совсем другое — мочь. Сам Леша в драку за Дашу не полез, испугался, зато Рэма поддержал. И это реально крутой поступок. Потому что теньевые хозяева рынка скоро вернутся, и Леше придется держать перед ними ответ.

Лицо у мужика крупное, круглое, глаза маленькие, нос картошкой, волосы жидкие, как трава

на болоте, плешь просматривается. Лет тридцать пять, совсем уже взрослый. Обручального кольца на пальце нет. Рэм интересовался семейным положением на случай, если Леша всерьез запал на Дашу. А девушка она взрослая, двадцать четыре года, морочить ей голову Рэм никому не позволит. И Леше башку свернет, если вдруг он решит ее поматросить.

— Рэм!

Даша прыгнула на брата, чуть с ног его не снесла. Волосы у нее роскошные, коса всем на зависть, но в остальном, мягко говоря, ничего особенного. Не красавица Даша, и весовая категория неважная. Это мужчина хорош в полутяжелом весе, а женщине нужно как минимум задуматься о диете.

И мама у Рэма в тяжелом весе, и сына она обняла от всей души — хорошо, кости у него крепкие. Одно испытание на прочность он уже прошел, в ближайшем будущем предстоит другое. Возможно, последнее в жизни.

— Мама, Даша, давайте домой! — Рэм погасил радость встречи. — И ты, Леша, сворачивай удочки! Костя, то же самое!..

— Э-эй, вы что, сговорились? — хлопнул вдруг в ладоши Весельчак.

От ворот к ним на всех парах катил Вася Чумаков, в расшитой золотом парадке, дембельские по-

гоны в белой окантовке, по три лычки на каждой, китель с «декольте» до пупа, голубая тельняшка, берет, автомата для полного комплекта десантуры не хватает. Рэм издалека слышал, как трещит по швам китель. Выше ростом Чумак не стал, куда уж дальше, а в плечах конкретно раздался. Спинка носа искривлена, примятая, как будто его сапогами каждый день били. Раньше с носом нормально все было.

Рэм хорошо помнил, как они уходили в армию, он, Чумак, Лука и Бурый. Начудили они в девяностом, с фабричными жестко схлестнулись. Пацанская контора к этому времени сдулась, патрули, махачи, сходки стремительно уходили в прошлое. И Рэм охладел к движению, закончил технарь, устроился на работу, о женитьбе стал подумывать, и пацаны остепенились, особенно старшаки, в общем, ничего не предвещало большую драку. А надо же, так сошлись, что менты на дыбы встали, и за Рэмом пришли, и за Лукой, многие тогда пацаны оказались в зоне риска. Рэм уже и не помнит, кто предложил переждать шухер в армии, но на призывной пункт они пришли толпой. Рэма, как и Чумака, взяли в десант, но на областном пункте переиграли, в мотострелки загремел. Луку в ракетчики определили, но больше всего повезло Бурому, в морфлот на три года влетел, еще не скоро вернется.

— Небанный день! Рэм, братуха! — Чумак раскинул руки.

Он улыбался, радуясь долгожданной встрече, но при этом озадаченно смотрел на заплывший глаз Рэма. Хорошо его распечатали, качественно, но зубы вроде целые, это главное.

— Что у вас тут за дела? Я иду, смотрю, бегут, драка, говорят, на барахле.

— Да я и сам бы хотел знать, что у нас тут за дела! — Рэм резко глянул на Беляша. — Кто это здесь так нагло наш асфальт топчет?

— Так солнцевские это, барахолка открылась, они сразу приперлись.

— Солнцевские, ну как же без них? — скривил губы Рэм.

Пацанская движуха у него в крови, сам в конторе состоял, казанским подражали, люберецким, про солнцевских слышали, но краем уха. Люберецкие гремели, Москву на уши ставили, пока не успокоились. Пацаны повзрослели, вытряхнули дурь из головы, движение шло на спад, пока снова не громынуло. Люберецкие сошлись с долгопрудненскими за контроль над Рижским рынком. Но это схлестнулись за место под солнцем самые отчаянные пацаны, те, которые не боялись поплатиться своей свободой, а то и головой за недетские шалости. В моду вошел рэкет со своими звериными законами, люберецкие

бандиты, долгопрудненские, солнцевские объявились, эти скооперировались с ореховскими, очень серьезные ребята. И это расклад на девяностый год, а сейчас девяносто второй, Рэм уже и не знал, кто на ком стоит, но догадывался, что солнцевские стали еще круче. И опаснее. А он перешел им дорогу. Тихо пока, но душно, гроза возвращается.

— Слышал, слышал, — закивал Чумак. — Пол-Москвы, говорят, держат.

— И эта половина Москвы давить нас будет, — Рэм тяжело смотрел на Васю.

Он-то свой выбор сделал, ему деваться некуда, будет биться до конца. И Беляш вмазался, и Весельчак, а Чумак еще может соскочить.

— Или ты не с нами? — в упор спросил Рэм.

— Как это не с вами? — Чумак приложил пальцы к тельняшке, как будто собирался рвануть ее на себе.

— Если разбегаемся, держать никого не буду! — Рэм глянул на Беляша, на Весельчака. — Сам буду!

— Самого тебя вымочат и высушат, — усмехнулся Егор. — А с нами хоть какой-то есть шанс держаться на плаву.

— Если высушат, то вместе с нами, — кивнул Чумак.

— А может, и мы высушим, — пожал плечами Весельчак. — Вон сколько пацанов без дела маются...